

18+

Виталий
Сыров

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

1

Виталий Сыров

Повести и рассказы. Том первый

«Издательские решения»

Сыров В.

Повести и рассказы. Том первый / В. Сыров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501513-6

Повести и рассказы автобиографичны. В октябре 2016 года мне передали письмо, написанное двадцать три года назад. Содержание этого письма заставило меня заново пережить события ранней юности: историю первой любви. Можно было молча осмыслить информацию, изложенную в четырёх строчках письма или вовсе не напрягать память воспоминаниями. Но человек, передавший мне письмо, попросил меня изложить свои воспоминания в письменном виде. А я не посмел отказать.

ISBN 978-5-00-501513-6

© Сыров В.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	6
часть первая	7
Пролог	7
Глава 1.1	9
Глава 1.2	11
Глава 1.3	17
Глава 1.4	21
Глава 1.5	24
Глава 1.6	28
Глава 1.7	33
Глава 1.8	36
Глава 1.9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Повести и рассказы Том первый

Виталий Сыров

Иллюстратор Анна Сырова

Дизайнер обложки Виталий Сыров

Фотограф Виталий Сыров

© Виталий Сыров, 2020

© Анна Сырова, иллюстрации, 2020

© Виталий Сыров, дизайн обложки, 2020

© Виталий Сыров, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0050-1513-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-1514-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ПОВЕСТЬ

*Моей бабушке —
Колмогорцевой Анне Фёдоровне, ПОСВЯЩАЕТСЯ!*

часть первая

Пролог

В начале октября 2016 года мне в «личку» на YouTube написал мужчина. Он мой тёзка: Виталий. Ему 42 года. Лётчик гражданской авиации. Он изъявил желание повидаться. Говорить о сути по телефону отказался. Сказал, что хочет увидеться лично и кое-что передать. Я был заинтригован. Заинтригован больше тем, что мне должны были что-то передать.

С опаской согласился на встречу. Но наша занятость позволила встретиться только в последних числах октября. Встречу наметили на нейтральной территории, в небольшом кафе. Виталий попросил, по возможности, прибыть на место встречи без автомобиля. Эта просьба показалось странной. Подумал: «Видимо, придётся принять на грудь».

В кафе.

Тёзка оказался пунктуальнее меня. Когда я зашёл, за одним из столиков сидел мужчина и рассматривал меню. Увидев меня, он встал. Я же понял, что это и есть тот таинственный незнакомец. Вопреки моим ожиданиям, он в обычной гражданской одежде. Симпатичный, высокий, нормального телосложения. Ничто не выдавало в нем причастность к нелёгкой профессии. Разве, только, выправка: я успел это заметить, когда он вышел мне на встречу. Парень явно держал форму.

Познакомились:

– Виталий, – представился я, решив не нагонять официоза, отчества своего не назвал.

– Я тоже Виталий, – последовала небольшая, двух секундная пауза, – Антонов.

– Моя фамилия Сыров.

Видимо, он готовился к предстоящей беседе, но всё же немного замялся. Наверняка, у него были заготовлено не менее двух вариантов для начала нашей беседы. Он, и это было заметно, немного волновался.

Он оценивающе, не афишируя этого, присматривался ко мне.

– Вы сыты? – спросил Виталий.

– Да. Час назад имел толи поздний обед, толи полдник из трёх блюд и компотом, – так я пошутил.

– Я тоже. Тогда по чашечке кофе?

– Пожалуй!

Молча ожидали кофе. Виталий опустил глаза, делая вид, что изучает меню. Я про себя подумал: «Встреча без машин, а кофе заказали».

Вот и кофе принесли. После пары глотков, Виталий оживился. Разговор он начал о моем ролике на YouTube, который привлек его внимание адресом и номером дома. И название у двух минутного ролика «Перекрёсток» его тоже взволновало. Адресу этого дома я уделил особое внимание: в титрах было указано, что когда-то, очень давно, я жил в этом доме. Были указаны годы проживания и номер квартиры. Виталий достал смартфон и запустил воспроизведение этого двух минутного слайд-фильма.

– Виталий Витальевич, это Вы автор этого слайд-фильма? Вы точно там проживали в указанные годы?

Мне резануло по мозгам: «Откуда он знает моё отчество?!»

– Вы ведь Витальевич по батюшке, – опередил он меня с моим вопросом о его такой осведомлённости про моё полное имя.

Я подтвердил, но был в полных «непонятках», зачем ему это надо. Он, попивая кофе, поглядывал на меня, но так и не решился переходить к делу. Вынув пачку сигарет, он предложил покурить.

Парень явно тянул время. А у меня в душе пробуждалось какое-то непонятное беспокойство.

– Ну, что он тянет время? Будто ждёт кого-то третьего, – завертелось у меня голове.

Покурили быстро, так как было ветрено, а мы не надели верхней одежды. Перед тем, как бросить окурки в урну, он только и спросил у меня, при этом сделал интонационный акцент, произнося моё имя и отчество:

– А Вас, Виталий Витальевич, кто-нибудь называл в шутку Виталием в «квадрате»?

Я хорошо видел его: он стоял так, что фонарь у входа в кафе светил ему прямо в лицо. Испытующим, проникающим, как рентгеновский луч, взглядом он впился в мои глаза, ожидая ответа. Так в мои глаза смотрел только один человек.

Пока вернулись к столику, меня пронзила догадка. Как всегда, в таких случаях, застучало в висках. Этот, как луч лазера, прожигающий взгляд; фамилия Антонов...; Виталий в «квадрате»... – связались в голове воедино эти понятия.

Прежде, чем я успел подтвердить свою причастность к «квадрату», он выложил на стол письмо. Пожелтевший конверт был явно из прошлого века. На конверте, нанесённая типографским способом, марка с буквой «А» – «Почта России». Адрес написан до боли знакомым почерком. Адрес тот, по которому я жил с 1987 года по 2003 год.

Письмо адресовано мне, с полным указанием моего имени. Заглавные буквы имени и отчества были выписаны вензелями. Никто в жизни не писал моё имя такими буквами, кроме одного человека.

Мелькнуло в голове: «Так вот откуда он знает моё отчество»

– Я думаю, что это письмо адресовано Вам. Извините, я его прочёл, да оно и не было заклеено, – волнующимся голосом произнёс Виталий.

Но я уже не слышал, о чём он говорил. В прошлое полетела моя память....

Глава 1.1

Я родился в 1957 году. Мой родной город тогда назывался Свердловск.

До 1969 года наша семья жила в этом областном центре. Жили вчетвером. Четвёртой была моя бабушка по материнской линии. Квартира была коммунальной и состояла из трёх комнат. Мы занимали две.

Коммунальная квартира, ласково называемая в простонародье коммуналкой – это жилище на несколько хозяев. В ней общими являются все помещения, кроме жилых комнат. Прихожая, кухня, санузел: всё общее. Приборка и содержание мест общего пользования производилась совместно, по очереди.

Кто-то жил дружно, кто-то ругался, кто-то влюблялся. Так жили и мы, поддерживая санитарно-гигиенические условия и комфорт в нашей квартире. За счёт бабушки! Я пошутил.

Бабушка моя была человеком неконфликтным и добродушным, но в вопросах чистоты и порядка была непреклонна, являясь непримиримым врагом неряшества и бардака. Поэтому у нас всегда царили уют и комфорт. Не трудно догадаться, что эта непримиримость, порой создавала некую напряжённость в отношениях с неряшливыми соседями.

Особый шарм квартире придавал кот по кличке Яцек. Он был полноценным членом семьи и любимчиком у всех наших соседей. А плут он был отменный. Жильцы первых этажей нашего дома часто просили у бабушки дать им Яцека, как сейчас принято говорить – в аренду, на пару ночек, что бы он мышек половил. Охотник-то он был азартный.

Весной 1969 года отчим, к моему огромному сожалению, принял решение сменить место жительства. Причиной стала его новая работа в небольшом элитном городке в шестидесяти километрах от областного центра.

Я устроил бунт, но его подавили. С горечью я покидал с детства обжитые места. Пугала мысль, что на новом месте у меня не будет ни одного друга. Мне даже не дали закончить пятый класс, и с последней четверти я уже ходил в другую школу в том маленьком городишке. Тогда ещё это был полузакрытый посёлок энергетиков Белоярской атомной электростанции: Заречный.

Бабушка осталась одна. Комнаты были смежными, с выходом в узкий коридор напротив двери в ванную комнату.

Отдельный вход у соседей. Он выходил в огромную прихожую, по размеру, как большая комната, только без окон.

Кухня была около шести квадратных метров. Не разойдёшься, пусть в тесноте, но с газовой плитой. Так жили многие люди той эпохи.

В то время нашим соседом был одинокий мужчина. Среднего роста, проявился уже пивной животик. Был он скрытный, нелюдимый, незаметный. В квартире только ночевал. Кухней не пользовался, разве иногда утром или вечером заходил чайник разогреть. Был опрятен и чистоплотен. Баб в дом не водил. А в качестве компенсации за мытьё полов в местах общего пользования, он давал бабушке три рубля в месяц. Бабушка не отказывалась.

Несмотря на его особенные черты характера, мне этот странный сосед был интересен тем, что он виртуозно играл на гитаре и трубе. Знал три языка: английский, немецкий и французский. На полках книжного шкафа стояли книги на иностранных языках не советского издательства, сборники нот для шести струнной гитары. В книгах были вложены закладки и сделаны карандашом пометки на полях. А потому было видно, что книги читали, а не украшали ими интерьер.

Я был вхож в его личное пространство: в его комнату. Обычная комната закоренелого холостяка с минимумом мебели.

Возможно, ему нравилась моя пытливость. Я, по наивности, часто обращался к нему с некоторыми вопросами. Кругозор его, казалось, был безграничен. Так и завязалась дружба.

Когда я приезжал к бабушке на каникулы или по выходным, он учил меня игре на гитаре и английскому языку. Консультировал по радиотехнике, которой я занимался в радиоклубе с середины шестого класса, не зная ещё из физики ничего про электричество. Уж очень сильно меня тянуло к таинствам радиотехники и радиосвязи. Сокровенной мечтой было освоение «морзянки». Сосед владел этим способом общения. Когда по вечерам оживал коротковолновой эфир, он включал радиоприёмник, находил какую-нибудь радиостанцию и расшифровывал мне текст передачи. Правда, в основном это был набор цифр. И в хаосе радио эфира в моей голове звучала мелодия любимейшей песенки с гибкой грампластинки: «Морзянка».

Поет морзянка за стеной веселым дискантом,
Кругом снега, хоть сотни верст исколеси.
Четвертый день пурга качается над Диксоном,
Но только ты об этом лучше песню распроси.

И хотелось понять последние строчки песни. Зачем это нужно увидеть чьи-то глаза:

Пойми, мне так твои глаза увидеть хочется,
Но только ты об этом лучше песню распроси!

Песня настраивала на какой-то ещё непонятный в том возрасте лирический настрой. Этим я поделился с Леонидом. Он улыбнулся.

– Виталь, подрастёшь, тогда и поймёшь, – он снял гитару со стены и исполнил для меня эту песню.

И показалось мне тогда, что смахнул он незаметно накатившуюся мужскую слезу.

Так сосед, чужой человек, вносил свою лепту в моё самообразование и расширение моего кругозора. Хороший был мужик. И обладал он талантом преподавателя. Я бы не отказался от такого отца.

Мой же отчим не имел ничего общего с ним. Ну, подумаешь, что красавец. А руки не к тому месту пришиты и кругозор нулевой. В голове только работа: в своей сфере он был дока. Добрый и не скупердяй. Это устраивало мать, меня тоже. На безрыбье и рак рыба. Я, конечно, опять шучу. Я отчиму очень благодарен.

Годами позже до меня дошла информация, что наш сосед был агентом КГБ. Карьера его оборвалась в Лондоне. Тогда он работал в советском посольстве. Был объявлен персоной «нон грата» и выдворен из Англии в двадцать четыре часа. Закончил свою карьеру в звании капитана КГБ и работал рядовым инженером в отделе труда и зарплаты на заводе. Ничем не приметный, обычный советский человек. Но бывших КГБэшников не бывает, а потому думаю, что кроме учёта трудодней заводчан, выполнял и другую работу. Читатель догадался, да?

На публике его можно было увидеть на похоронах, играющим в духовом оркестре. Зарабатывал свою «трёшку» за ритуал.

Много воды утекло с тех пор. Потому диалоги уже не могут быть воспроизведены дословно. Но они несут смысл сказанного, и я постарался сохранить стиль говорящего. Мальчишеские выводы тех лет поменялись, вплоть до разворота на сто восемьдесят градусов или утвердились окончательно.

Глава 1.2

Заканчивалась вторая декада июня 1972 года. Позади восемь классов. Свидетельство об окончании восьмилетки на руках. Без троек.

Многие ребята из класса покинули школу. Даже в те времена не все семьи имели возможность дать детям десятилетнее образование. Были и дети из неполных семей. А некоторые ребята сами не хотели учиться. Рвались в большую жизнь.

В нашей семье и разговоров не было о том, где мне продолжить образование. Только десятилетка. Этого хотела мама. И в авиацию, куда я мечтал с раннего детства, восьми классов было бы недостаточно. Родители не препятствовали моему выбору.

Впереди всё лето! Я еду в город к бабушке! Кто-то отправляли в деревню, я же ехал в большой город. Там больше друзей.

Прихватил с собой гитару, на которой начал играть с шестого класса. Благодаря упорству и усидчивости, преподавателям кружка гитаристов при дворце культуры и соседу по коммуналке, я за два года неплохо продвинулся.

Умчался первым автобусом. Солнце уже достаточно высоко поднялось над горизонтом. Но утренняя прохлада ещё бодрила. В открытые окна автобуса влетал свежий ветерок, хлопали занавески. За окном автобуса проносились поля и перелески. Мелькали деревенские домишки и мостики через небольшие речушки, которые летом были больше похожи на ручьи.

Деревня уже проснулась. Дорогу нам преградило стадо коров. Нехотя они переходили проезжую часть. Подпаски: мальчик и девочка, наверно, моего возраста подгоняли ленивых коров. Верхом на коне появился мужчина. Он хлопнул плетью, и стадо зашевелилось. Дорога свободна. Пастух прищпорил коня и помчался по обочине наперегонки с нашим автобусом. Водитель принял вызов пастуха, и через несколько секунд наш железный конь далеко вырвался вперёд. Где-то на развилке дорог прихватили попутных пассажиров.

Душа ликовала в предчувствии свободы. Никогда я до этого не испытывал такого радостного состояния в предвкушении каникул. И на то была причина. Но знал бы я тогда, хоть намёком, навстречу каким поворотам судьбы мчит меня ранним утром ЛАЗ-695.

Прибыли на автовокзал. Ещё минут сорок на троллейбусе, пять-семь минут пешком, и я влетаю в подъезд, чуть не сбив с ног выходящую девушку. Извинился на ходу, даже не взглянув, кого протаранил, едва не размазав по стенке.

Ещё в троллейбусе мочевой пузырь призывал мою совесть лопнуть, а его пожалеть, то есть навязчиво «предлагал» мне выйти из троллейбуса и побежать в кусты у какой-нибудь ближайшей остановки. Потому и летел я как пуля.

Ткнулся в дверь квартиры. Слава богу, дверь уже была открыта. И в туалет.... Успел: и совесть не лопнула, и пузырь цел.

Вот так ранним утром я прибыл домой, продолжая по-прежнему называть квартиру в городе домом.

Тут всё моё. Здесь моя Родина. Друзья, свобода. А ещё: хорошая девочка Оля в нашем подъезде на втором этаже. Ожидание встречи с этой девочкой и было причиной моего приподнятого настроения.

Гитару вёз, чтобы показаться ей. Да ещё утереть ей нос тем, что я тоже не лыком шит, и могу играть на гитаре современные песни, а не пищать на скрипке нудные гаммы и скучные произведения классиков.

Оля моя подружка. С третьего класса мы жили в одном дворе, рылись в одной песочнице и бегали по крышам сараев. Учились в одной школе в параллельных классах. Вообще-то, пер-

вого сентября 1964 года мы оказались в одном классе. Елена Ивановна посадила нас за одну парту. Так и познакомились и в первый же день подружились. Но в конце пятого класса нас разлучили – мои родители переехали. Ссылкой я называл этот переезд. Тосковал по Оле первое время.

В те годы редко кто из родителей сопровождал первоклашек до школы, и, разумеется, почти никто не встречал. Так было и с нами. А потому в тот день после уроков я проводил Олю домой. Оля была хрупкая, как тростиночка, потому в первый же день знакомства я предложил нести её портфель. И это стало обычным делом. Жила она почти по пути к моему дому, потому сделал небольшой крюк и довёл её до подъезда.

Зимой 1967 года, когда я учился в третьем классе, мы переехали в этот дом, и с Олей оказались совсем рядом: в одном подъезде. А я, на зависть её одноклассников, так и продолжал носить Олин портфель. Оля теперь окончательно заменила мою подружку раннего детства Люську. Люда по большей части в дошкольные годы жила у бабушки. А когда мы пошли в первый класс, видеться стали совсем редко. Ходила она в другую школу. Встречались только в каникулы, когда родители сдавали её на попечение бабушки и дедушки, живших в соседнем бараке. А тут и мы переехали из бараков, а потом и в Заречный. Так незаметно исчезла из общения любимая подруга дошкольного детства. Но ещё в первом классе я познакомил Люду с Олей. Девочки ладили меж собой.

После зимних каникул Олю перевели в параллельный класс. Я расстроился, что нас разлучили. Но после уроков мы встречались и шли домой вместе. В те, шестидесятые, для пацанов это дорогого стоило, и не каждая девочка могла позволить себе такое. Грозилось услышать вслед от острословов расхожую поговорку: «Тили-тили тесто, жених и невеста». Но Оля доверяла мне свой портфель безо всяких комплексов. Короче, проблем в общении с Олей не было. А после минувших зимних каникул 1972 года, проведённых вместе, я понял, что мой переезд лишил меня общения с верным другом. И теперь я очень хотел её увидеть.

Но вернёмся к повествованию.

Осматриваюсь в прихожей. Появился холодильник, обувная полочка. На ней одна пара женских туфелек. Размер туфелек впору для Золушки.

Бабушка, не дав передохнуть, начала рассказывать, что сосед съехал, что вернулся к жене, которая его оставила лет пятнадцать назад. Это всё, что мы знали от него самого.

Бабуся села на стул и выдохнув, с сожалением сказала:

– Переехал Лёня-то. Жена забрала к себе. Умный, вроде, мужик, а квартиру, похоже, сдал заводу. Мог бы разменять квартиру жены и эту комнату. Так сдал, дурачок. Дочь ведь есть, позаботился бы о ней.

От этой новости я расстроился. Хоть сосед мне в отцы годился, а я теперь будто потерял хорошего друга.

– А ты-то чё переживаешь? – спросил я.

– Так такой удобный сосед-то был, – с сожалением произнесла она.

Потом приободрилась.

– А ты рад будешь новому-то соседу! – с таинственной улыбкой сообщила бабуся, – лётчик он.

– Мне с того что? На самолёте, что ли, новый сосед меня катать будет? – мелькнула в голове мысль.

Но бабусину информацию принял к сведению. Сосед-лётчик – это может быть очень интересно.

Решил пошутить:

– Ага, в женских туфельках ходит. Как не обрадоваться.

– Трое их поселилось-то.

– И все трое лёгчики? И все в туфельках ходят? – я глупо продолжал шутить.

– Этакво Лёньку-то, тихушника такого, не найти больше. Кто мне трёшку в месяц теперь давать будет?

Да, бабушка права: такого не найти. Кто теперь по радиотехнике консультировать будет? Кто теперь поможет собрать и настроить радиопередатчик коротковолновика-любителя? Жалко! В радиоклубе это на год затянется. Конечно, без радиоклуба регистрацию передатчика мне тоже не получить.

– Что, допекают новые соседи? – продолжил я диалог с бабусей.

– Нет. Их дома-то не бывает. Сам-то всё в полётах. Побудет дома два-три дня, и опять, не меньше чем на неделю. По всей стране летает. Таня тоже по какому-то «скользкому» правилу работает. То на сутки уходит. То по двенадцать часов. Выходные посередине недели бывают. Сынишку вот надясь Саша к матери в деревню увёз. В школу пойдёт нынче. Танюшка на сутки ушла. Тебе, поди, попалась во дворе.

С коих пор бабуся соседок уменьшительно-ласкательно стала величать? Что-то невероятное!

– Ну вот, опять повезло тебе! Что за скользкое правило? – я засмеялся.

– Ага, Таня-то всё драит и драит. Чё унитаза чистить всё время? Ох, и чистюля! И так всё блестит, как у кота ..., – прервала свои размышления бабуся.

Эта фраза всё поставила на свои места. Бабушка рада соседке-чистюле! Потому и Танюшка. А не Танька.

Я засмеялся.

– Договаривай уж! Охальница, – продолжал я подтрунивать над бабушкой.

Бабушка не обратила на мою реплику внимания.

– Есть с дороги-то хочешь, а?

– Ба, а молоко есть? – поворачиваюсь, но бабуся уже улетучилась и загремела посудой на кухне.

Разложил вещи. На всё лето эта комната будет моя.

На тумбе, типа комода, стоял мой раритет: телевизор КВН-49. Первый массовый телевизор в СССР. Его покупал мой отец в складчину с дедом. Сам ящик телевизора здоровенный, а экранчик малюсенький – диагональ всего восемнадцать сантиметров. И огромная линза для увеличения размера экрана.

Телевизор был «жив», благодаря моим познаниям в радиотехнике и неоценимой помощи бывшего соседа. Только смотреть его надо было в темноте. Яркость экрана была очень низкой из-за того, что выгорел люминофорный слой экрана.

Дверь в комнату приоткрылась. Опускаю взгляд вниз двери – там морда кота. Смотрит мне прямо в глаза.

– Яцек, ты что ли? Ну и рожу ты наел себе!

Кот вальяжно подошёл ко мне. Узнал. Давай тереться ухом о мою ногу.

– Он! Кто ж ещё-то? – отозвалась вместо кота за дверью бабуся, – стащил вчера у новых соседей кусок мяса, злыдень. Всё нажраться не может. Уж всех голубей во дворе перевёл. Гад, ловит их и домой жрать тащит. Поганые голуби-то, на помойках пасутся. Окно в кухню всё время открыто. Вот он их в дом-то и тащит. Только и делаю, что перья в коридоре убираю. Да окно на кухне постоянно мою. Перед соседями-то неудобно за этого засранца. Ладно, хоть в доме не гадит. А то бы я ему....

– Они не против, что кот в доме? – прервал я воинственный настрой бабушки.

– Да нет! Лёша с ним играет. Этому, коню побегать да попрыгать за бумажкой на верёвочке. Лёша тут золотишку от конфетки привязал, так мохнорылый-то чуть с ума не сошёл.

Ох, и носился. Они там так хохотали. Нет, вроде, не против кота. Кормят. С Лёньки-то фиг чё получал. Куска хлеба у него не всегда найдёшь.

Про кота бабуся могла говорить подолгу. Кот был очень крупный. Весил килограммов семь. Как-то бабуся, удивляясь его размерам, записала его в авоську и взвесила безменом. Шести килограммовой шкалы этих хозяйственных весов не хватило: весы зашкалили!

– Иди-ка молочка с булочкой перекуси. К обеду супчик сварю. Картошки тебе нажарю.

Я вошёл в её комнату. Бабушка шила. На столе стояла швейная машинка, недошитый халатик лежал на столе. Маленький. Точнее, не очень больших размеров.

Бабуся обшивала весь ближайший околоток. Клиентами были в основном крупногабаритные бабы. На таких «бомб» в магазине халатик-то купить было трудно. Одну соседку из подъезда я за глаза так и звал: Тонька-бочка!

Такса у бабуся была стабильная: трёшка – халатик, пятёрка – платье.

Я устроился. Вот и встреча с друзьями. И всё как обычно. Только Олю ещё не видел. Не решился к ней зайти. Разволновался немного. Последнее время трепетно становилось на душе, когда вспоминал о ней. Красивая девочка.

Вечером увиделся со своим старшим другом. Толян! Он старше меня. Уже отслужил в стройбате. А за плечами, вдобавок, была детская колония. Руки его в наколках, какие-то колечки на пальцах выколоты. Он объяснял, что эти колечки означают ходку на малолетку. Драчун, в смысле, что умел драться отменно, при этом не задира, но охальник и сквернослов, каких поискать надо. Конечно, выпивал. Работал электромонтёром. Специальность эту в армии получил.

Толян – это человек, с которым можно пойти в разведку. Не знаю, но почему-то он с уважением относился ко мне. Как-то так получилось. Бабушка не одобряла мою дружбу с ним и за глаза называла его бандитом. Даже побаивалась его. Но с его родителями была в добрососедских отношениях. И я знаю, что бабуся они тоже очень уважали.

Я похулиганить был не прочь. Для бравады! Толян сгонял в магазин, притащил «бомбу». Так называли бутылки 0,8 литра с дешёвым вином «Волжское» или «Рубин». Какая, всё же, это была отравка!

Ещё на «хвост упал» парень из соседнего подъезда. Засели в сарае и напились, точнее: я напился. Мне, понятно, много ещё не надо было. Быстро окосел.

Домой вернулся втихушку. Дома нет никого, тишина. Вспомнил: бабушка всегда на два-три месяца летом устраивалась сторожихой в хлебный магазин. Там не столько сторожила. Главное дело – это принять ночную хлебовозку. И, край, в семь тридцать утра, она уже могла быть дома. Если, конечно, с кем-нибудь языком не зацепится во дворе. Обычно это была дворничиха. Уходила бабуся на работу к восьми вечера. Работала без выходных. Говорила, что зимой отоспится.

Я лёг. Затошнило. Сходил, слил излишки. Стало легче. Уснул.

Проснулся я часов в десять, а может и позже.

– Виталька, ты чё, опять напился с Толькой вчера? Перегаром-то вон чё прёт в комнате, – это вместо приветствия начала бабуся утренний диалог.

Бабушка ворчала, что опять я с Толькой снюхался. Что опять по сараям буду торчать со своим дружками. И рожи-то у нас бессовестные.

– Вот, Виталька, скажи мне, кто твой друг? Ты своего Тольку назовёшь! А он – бандит. Значит и ты бандит. Весь двор в страхе держите, – с сарказмом закончила бабушка выкладывать логическую цепочку.

Это уж было чересчур: бабуся несло «по-чёрному». Она немного преувеличивала, что только и буду прожигать жизнь в увеселениях. За лето я два раза окучивал три сотки картошки, которую высаживали в поле. Толян не раз помогал мне. Он тоже работал, как сказала бабушка, по скользкому правилу. Так она называла скользкий график работы. И потому, томясь от безделья, когда выходные выпадали на будние дни, помогал мне. Разумеется, что я в долгу не оставался и тоже помогал Толяну. Чистили и ремонтировали овощные ямы. Да мало ли по дому дел было. Даже бабушкину машинку швейную настраивал. Научился по учебнику для профтехучилища.

Когда-то Толян научил меня драться. Драться так, как дерётся отборная шпана. Я сам его попросил. Ибо тяжело было вливаться в пацанскую жизнь в том элитном посёлке. Элитный, а нравы, как в деревне. Я года полтора был чуть не изгоем. Чужак: одно слово. Недели не проходило, чтобы я с кем-нибудь да не сцепился.

Вообще-то, драться я умел: живя в бараке без этого никак нельзя. Но в бараках были честные драки. До первой крови! И никто и никогда не смеет добивать проигравшего. У меня тактика страдала: я не бил первым. Всё ждал, когда меня разозлит пропущенный удар.

В зимние каникулы, когда ещё учился в седьмом классе, я обратился к Толяну за помощью.

– Виталька, дурак ты! Чё ты рожу-то под кулак подставляешь? – надо первым бить. Смотрел кино «Бей первым, Фредди»?

Такова была реакция Толяна на мою проблему.

Две недели за сараями «чистили» друг другу морды. Дрались по-настоящему. Толян сказал, что смысла нет имитировать драку. Надо зло и ловкость в себе развить, неожиданность и вероломство, бить наверняка, наповал.

А ещё сказал, что надо вовремя «свинчивать», пока от вероломства «козлы» не очухаются. Сказал, что «не за падло» и вовремя «ноги сделать», против толпы всё равно не устоять. Если против двух-трёх, то ещё куда ни шло.

Когда у Толяна после пары очередных потасовок засиял фонарь под глазом, уже не заживали разбитые губы, он сказал:

– Ну, всё, хватит. Дальше отработывай сам на других. Главное, Виталька, ты удар стал держать, и прыти в тебе добавилось. Действуй, как я учил. Никогда не уходи сразу в глубокую оборону. Почувствовал, что будут бить, бей первым. Бей так, чтобы «козёл» был «отключён», хоть на минуту. А сам успевай. Но и никогда не задирайся.

Вообще-то, приведённые выше фразы были сдобрены русскими ядрёными словечками.

Толян бил молниеносно и хлётко. Сперва я даже не успевал среагировать, как Толян, проведя удар, сбивал меня с ног и уже готов был отвесить мне пинок. Но ногами мы договорились не бить, а только имитировать. Конечно, морда моя уже была вся в синяках. Мать только ахнула, увидев меня, когда я вернулся с каникул. Будто раньше не замечала, что всё время ходил с разбитой рожой. Правда, я не имел привычки жаловаться.

Уже в феврале показал своим обидчикам. Действовал, как Толян учил. Пред двумя ублюдками я не занял глубокую оборону, а вероломно с первого удара сбил с ног одного и успел разбить нос второму. Первый пытался подняться, грозил размазать меня, но получил пинок в лицо. Наверно, это было излишне.

Удачно начатый отпор вдохновил меня, и я вошёл в раж. Разумеется, что морду мне тогда тоже начистили. Я тоже хорошо получил. Ведь подключились набежавшие дружки. Нас разняли.

Мужик, разнимавший нас, сказал, что нельзя так жестоко бить. Но спросил, кто научил. Я специально сказал, что друг с зоны пришёл, он и научил так драться и хлётко бить.

Мужику я тому благодарен, что разнял нас. Ведь я, руководствуясь советами Толяна, уже было собрался сбежать с поля боя. Но остался. Я считал тогда, что физическая и моральная победа была на моей стороне. Но я бы точно и не устоял, забили бы меня всё равно, если б нас не разняли.

На льду остались пятна крови. У меня два фонаря под глазами и опухший нос, разбитые губы.

Стычка на катке началась прилюдно. Наблюдателей было много. Авторитет как-то разом пришёл. Больше не пытались лезть.

Я до сих пор задаю себе вопрос:

– А что, так слепы были учителя в школе? Они что, не видели мою разбитую морду? И не только мою. И никто даже не поинтересовался.

Школа была с высоким статусом. С уклоном на английский язык. В социальных сетях нет-нет, да и появляется коллективная фотография учителей той школы. И надпись: «Золотой педагогический состав». В школе натуральный бандитизм процветал, а они ничего не видели. Фальшивое золото.

Из всех учителей моих, у которых учился в той школе, только и могу выделить трёх преподавателей: математики – Карамышева Вера Алексеевна; химии – Тихонова (Архипова) Тамара Егоровна; физики – Кукарцев Владимир Викторович. Все они в разное время были и моими классными руководителями. Я всю жизнь благодарен им за те знания, которые эти прекрасные преподаватели вложили в мои мозги.

И Толян тоже мой учитель. Его уроки в жизни тоже очень пригодились. Особенно в армии. Осознание того, что можешь дать отпор, давало ощущение свободы и уверенности в себе. Парень должен уметь постоять за себя.

Глава 1.3

Понеслись летние деньки. Новых соседей я так ещё и не видел.

Я теперь точно знаю, что это была пятница, 23 июня. Толян в тот день с работы пришёл слегка поддатый. Около восьми вечера собрались во дворе.

Дом наш угловой и был буквой «Г». Со стороны двора часть дома размещалась напротив скамейки соседнего подъезда. С балкона, метрах в пятнадцати от скамейки, за нами часто любила наблюдать Оля. Та девочка, с которой я крепко дружил с первого класса.

Я вынес гитару. Пели Высоцкого. Толян «тащился» от песенок типа «Зэка Васильев и Петров зэка».

Песен Высоцкого я уже знал море. На все случаи жизни. И уже став взрослым, я оценил его, как поэта, как человека с огромнейшим кругозором, очень талантливым и начитанным. По владению словом Владимира Семёновича Высоцкого я ставлю наряду с Маяковским В. В.

А их каламбуры! Например, у Маяковского в стихотворении «О советском паспорте» есть фраза: «...и, не повернув головы кочан...»; или там же: «...берёт как бомбу, берёт как ежа, как бритву обоюдоострую...».

У Высоцкого, в песне о хоккейном матче СССР-Канада есть такие строчки: «Профессионалам, зарплата навалом. Плевать, что на лёд они зубы плюют».

На балконе появилась Оля. Высокая, стройная, хрупкая, как тростинка. Очень красивая девочка. Весёлая и компанейская. Кое-кто из пацанов во дворе завидовал мне, что с этой девочкой у меня очень доверительные отношения.

Я сразу сменил репертуар на популярную тогда песенку «Соловьиная серенада». Исполняли её ВИА «Поющие гитары». Кто постарше, должны помнить:

Если, скажем, однажды
Вдруг, случится такое:
Соловьи перестанут
Песни петь под луною
Кто поможет влюблённым
В их таинственном деле?
Кто для них будет петь
Соловьиные трели?

Я старался. Играл я на гитаре хорошо, достаточно виртуозно. Но вокальные данные у меня не очень. Голос-то мне никто не ставил.

Оля хлопала в ладоши, кричала: «Виталик! Браво». Вдруг убежала в комнату и через несколько секунд выбежала с цветком в горшке, сделала вид, что хочет бросить его мне.

– Виталька, лови! – весело крикнула Оля.

Цветок! Это был колючий столетник в горшке: алоэ.

Мы с парнями ржали, будто кони. Оля умела, как сейчас говорят, приколоться.

– Виталька, привет. Ты когда приехал?

– Вчера утром.

– А ко мне почему не заглянул? – с напускной обидой в голосе спросила Оля.

– Не знаю..., – растерянно ответил я.

Я и правда не понимал, что меня сдержало забежать к ней вчера. Будто застеснялся тех чувств, ещё умом непонятных, неосознанных, которые проснулись во мне совсем недавно.

– Ладно, прощай! – с задорным смехом выкрикнула Оля, – ты уже классно играешь.

А у меня в душе появилось волнение от предстоящей встречи с Олей.

Потом были шлягеры: «Толстый Карлсон», «Люди встречаются, люди влюбляются», «Нет тебя прекрасней».

– Виталик, «Нет тебя прекрасней» – это ты про меня? – Ольга залилась звонким озорным смехом, – давай ещё раз спой.

А я смутился. Как-то уж очень откровенно, на весь двор, Оля озвучила мои мысли, которые совсем недавно появились в моём сознании. И правда, именно эти три слова в подсознании были адресованы Оле. Последнее время, вспоминая Олю, где-то внутри меня разливалась томительная истома. Перед глазами вставал лучезарный образ этой девочки. И невероятное желание взять Олю за руку и бесконечно долго идти по лесной тропинке. Так мы с ней гуляли в парке в минувшие зимние каникулы.

– Потом тебе скажу, – не нашлось чего-либо другого ответить на Олин провокационный вопрос.

– Виталик! Bravo! – кричала Оля.

– Озорная она сегодня, – отметил я для себя.

Я вскоре охрип. Толян ткнул меня в бок, мотнул головой в сторону подъезда. Зашли. Он сунул мне под нос бутылку 0,7 литра с каким-то портвейном и предложил «прополоскать» горло. Я не отказался. После нас остальные ребята по очереди посетили подъезд. Там в углу, под лестничным маршем, в вечном полумраке, стояла заветная бутылочка. Её туда предусмотрительно поставил Толян.

Вернулись на скамейку. Молчали, парни постарше курили. Я этим не увлекался тогда. Куда уж в пятнадцать-то лет. Но помаленьку пробовал спиртное. Тлетворное воздействие двора!

С дружком в школе прикалывались: переделывали популярные песни. Попала под раздачу и песня «С чего начинается Родина». Исковерканный нами вариант стал называться «С чего начинается выпивка». С таким заголовком кое-какие строчки в тексте песни и менять не стали: «С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе...». Вот так, через дворовое воспитание шло приобщение к спиртному.

В те годы я стал настоящим меломаном. Юрий Антонов, «Поющие гитары» и квартет «The Beatles» были для меня верхом совершенства.

К сожалению, уже вначале 1970 года из-за проблем с руководством «Ленконцерта» Антонов вынужден был уйти из ансамбля. Последнюю свою песню, написанную в ансамбле, Юрий Антонов на прощание подарил Евгению Броневицкому. Это был нотный листочек со строчкой мелодии и гармонией под нотами. Евгению песня очень понравилась, на одном дыхании он сделал оркестровку, сочинил красивейшее гитарное соло. В песне было два куплета слов, третий дописал питерский гитарист Михаил Беляков. Так получился национальный супер хит: «Нет тебя прекрасней», гениальная работа композитора Юрия Антонова.

Я отдохнул. От вина появился кураж. Толян ещё предложил заглянуть в подъезд. Ещё пивнул три-четыре глотка. Похорошело! Кураж крепчал.

Взял гитару и снова запел. Запел «Girl». Это хит «The Beatles». Песню меня научил играть, теперь уже бывший, бабушкин сосед Лёня. Он натаскал меня играть довольно сложную и виртуозную партию на гитаре. Научил прекрасному произношению этой песни на английском. Хотя уже был и вариант русского текста.

Я спел один куплет на английском языке и уже сделал проигрыш, чтобы запеть на русском, как сзади послышалось цоканье каблучков. В поле зрения вошла девушка. На каблучках, в чёрной юбочке чуть ниже колен и белой блузочке.

Она прошла ещё шагов на пять-шесть вперёд. Остановилась, повернулась лицом к нашей компании, изящно склонила свою прелестную головку чуть на бок и с явным интересом стала смотреть на меня. И мне показалось, что смотрела она с некоторым удивлением.

Слегка смугленькое милое личико, чуть пухленькие губки, тёмные глазки, тёмные волосы, красиво уложенные, и эта её чёлочка, делали незнакомку неотразимой.

Я запел первые строчки «Girl» – «Девушка»:

Я хочу вам рассказать,
Как я любил когда-то,
Правда, это было так давно.

После этих слов незнакомка мило заулыбалась и продолжала с неподдельным любопытством смотреть мне в глаза.

Во мне что-то ёкнуло. Как же она была очаровательна! Невозможно было оторвать от неё взгляд. Я пел и смотрел на неё. Взгляд её я выдержал до конца песни.

Песня кончилась, гитара замолчала, а я, как заколдованный, не в силах был оторвать взгляд, так и продолжал смотреть на красавицу.

Толян ткнул меня в бок:

– Ты чё?

Оцепенение прошло. Я никак не мог понять, как удалось доиграть сложную партию гитары без ошибок, не поглядывая на гриф гитары.

Оля с балкона опять кричала: «Браво!» Хлопала в ладошки и опять делала вид, что запустит в меня этот горшок со столетником:

– Виталик, лови!

Незнакомка, оглянувшись на балкон, опять мило заулыбалась и тоже захлопала в ладошки. И всё также держа головку, слегка склонив её вправо, спросила:

– Ты уже даже успел полюбить? Но ты же ещё так молод, совсем ещё мальчик! И как же давно была эта твоя любовь? И часто тебе снятся такие грустные сны?

Голосок её лился, как ручеек: серебристый, чистый и прозрачный. Через лёгкую иронию в её приятном голосе я услышал и какую-то грусть, едва уловимую. Будто расстроило её что-то. Может мне и показалось тогда. А незнакомка улыбалась и продолжала:

– Ты молодец! Где так научился играть? Ты в музыкалку ходишь?

А я словно язык проглотил. В горле ком. Толян опять ткнул меня локтем в бок:

– Отвечай, тебя спрашивают.

– Сам научился, – ответил я, еле скрывая недовольство, что меня мальчиком окрестили в присутствии моих крутых друзей.

– Я присоединяюсь к этой девочке на балконе. Правда, браво! Молодец! – незнакомка будто хотела подойти ко мне поближе.

Она, сделав шаг навстречу, остановилась, зачем-то ещё раз оглянулась в сторону Оли. Опять, заглядывая мне в глаза, похлопала в ладошки, опять мило улыбнулась и ушла в мой подъезд.

Взгляда её я немного испугался. Уж очень он был пронзительный и колкий. Но её улыбка вернула мне самообладание.

Оля до самого входа незнакомки в подъезд сопровождала её оценивающим взглядом.

Толян засуетился:

– Это кто? Оля, ты знаешь эту фифу?

Но никто не знал!

Сидели до поздней ночи. Толян принёс из сарая ещё бутылку портвейна.

Светило наше переживало период летнего солнцестояния – солнцеворот. Было уже поздно, а темнота только начала окутывать двор. Совсем перестали различаться цвета. С Толяном и ещё двумя дружками допили портвейн. И разошлись по домам.

Дома никого. Тишина. Бабушка караулит свою булочную.

Я засыпал, а перед глазами стояла таинственная незнакомка. Красивая! У неё такая милая и добрая улыбка. И очень пронзительный взгляд, немного пугающий. Какая она красавица! Я никогда ещё не видел таких красивых девушек.

– Молодец... Тебе снятся такие грустные сны? Ты же ещё так молод! Ещё мальчик, – где-то внутри меня журчал, будто ручеёк, голосок незнакомки.

И меня уже не будоражило, что незнакомка окрестила меня мальчиком! Правда, мальчик был ростом под сто семьдесят пять сантиметров, и, пожалуй, уже выше всех своих старших дружков.

Я незаметно уснул.

Глава 1.4

Проснулся я около девяти утра. Бабушка, похоже, ещё и домой не заходила. Наверно, опять языком зацепилась.

Слышу незнакомые шаги в коридоре. Потом шум льющейся воды из душа. Кто-то полоскался с утра.

Я встал. Умываться пришлось на кухне.

Обещал бабушке картошку в поле окучить на первый раз. И так затянул с этим мероприятием не меньше чем на неделю. Оправдание, конечно, было. Я сдавал экзамены за восьмой класс.

Пошёл на кухню, поставил чайник на газовую плиту и вернулся в комнату. В ванной тропическим ливнем продолжал поливать душ.

Пора плиту выключить: вода должна уже закипеть. Выхожу из комнаты и чуть не получаю в лоб открывающейся дверью из ванной. Реакция у меня хорошая, а потому успеваю увернуться и вижу женщину.

На ней розоватого оттенка комбинация. Раньше был такой вид женского нижнего белья. На голове накручено полотенце в виде чалмы. Другое полотенце в руке.

От неожиданности она ахнула, прикрыла грудь полотенцем и пыталась скрыться за дверь. Но глянув на меня, округлив свои очаровательные глазки, с удивлением спросила:

– Это всё же ты? Ведь это ты вчера играл на гитаре во дворе? Извини, я чуть не пришибла тебя!

– Почему «всё же»? – успело мелькнуть в голове.

Передо мной стояла та грациозная девушка. Та симпатюля, которая сверлила меня вчера глазами пока я играл на гитаре во дворе. Та красавица, с мыслями о которой я заснул минувшей ночью. Сомнений не было – это была она.

Испуг с её милого личика исчез, и она так же, как вчера, склонив прелестную головку вправо, мило заулыбалась.

– А ты кто? – озорно спросила она, – наверное, внук Анны Фёдоровны?

Она стояла передо мной почти нагишом, с прикрытой полотенцем грудью, и я никак не ожидал, что она начнёт диалог, да ещё с озорными интонациями в голосе.

– Я... я... играл вчера. Да, внук, – смущённо ответил я, и опять не мог оторвать взгляда от её глаз. Это были тёмно-карие глаза, почти чёрные.

Она вдруг спохватилась, что стоит в неглиже перед незнакомым парнем, да ещё и пытается завести разговор, опять ойкнула и быстренько проскочила мимо меня, удалилась к себе в комнату.

Я украдкой глянул ей вслед, боясь, что она обернётся. Но всё же был пойман, как воришка. Незнакомка успела перехватить мой взгляд: она неожиданно обернулась, перед тем, как скрыться за дверью.

Налил чай и ушёл в комнату, но аппетит пропал. В мозгу никак не укладывалось, что эта девушка теперь наша соседка. Бабушка назвала её Танюшкой. Как у Пушкина. В восьмом классе нам по школьной программе преподавали «Евгения Онегина»!

Но что за наваждение? Почему мне так тревожно и грустно вдруг стало на душе? Разгоралось желание опять увидеть её. Опять смотреть ей в глазки и любоваться очаровательной улыбкой. А сердце уже колотилось, как швейная машинка. Такого со мной никогда не бывало!

Я ещё не увлекался девочками. Мне было достаточно общения с ними. С тех времён, как стал помнить себя, у меня была подружка Люська! Потом с первого класса появилась Оля. А с третьего класса с Олей оказались в одном доме. Дружба стала ещё крепче. Моё отношение к ней было, как к верному другу, несмотря на то, что она девочка.

А увидел Таню, и что-то затрепетало внутри меня. И теперь это душевное состояние создало непонятный дискомфорт в моей душе.

Я с ногами забрался на диван, согнул их в коленях и положил на них голову, обхватив её руками.

Забрезжил перед глазами образ этой красивой девушки. Виделось, как она стояла вчера в пяти шагах от меня и пристально, глядя мне прямо в глаза, слушала песню. А потом эти ироничные вопросики про любовь. Что же она хотела увидеть в моих глазах?

Я заметил вчера, как медленно, к концу песни, её улыбка совсем исчезла с миленького личика.

До сих пор она мне часто снится в белом платье,
Снится мне, что снова я влюблён.
Раскрывает мне она, любя, свои объятия,
Счастлив я, но это только сон.

Грусть отразилась на лице незнакомки. И казалось, что она сопереживала событиям, о которых пелось, в общем-то, совсем незамысловатой битловской «Девушке». А потом опять улыбка искоркой проскочила по её губкам.

Бред какой-то! Я влюбился? Так не бывает! Нет, бывает, но в книжках и кино!

– Что с тобой? Тебе плохо? – как гром раздалось совсем рядом, а прикосновение чьей-то руки, как молния ударила по голове.

Я подскочил, как ошпаренный. Передо мной стояла красавица-соседка. На ней ситцевый сарафанчик с голубыми мелкими цветочками. Причёска, как вчера вечером. Чёлочка делала её похожей на девочку. Переведя дух, я ответил, что всё нормально, задремал.

– Извини! Испугала тебя! А я подумала, что тебе плохо. Ты даже не слышал, как я попросила разрешения войти. Я и сама-то испугалась, увидев тебя в такой позе.

Я сразу не нашёлся что ответить ей. Но глянув на часы, висящие на стене, тут же сообразил:

– Вы меня за полчаса уже дважды испугали, – выпалил, глядя в её красивые глазки.

За словом в карман она тоже не полезла:

– Ты тоже два раза. Тогда в дверях и сейчас. Так что мы квиты!

Наступила небольшая пауза, а мы так и продолжали смотреть друг другу в глаза.

Я не выдержал сегодня. Уж больно она была красива. Я смутился. И, похоже, покраснел.

– А ты хорошо спал сегодня? – спросила она, – я вчера долго стояла позади вашей компании и слушала, как ты поёшь и здорово играешь.

Я не знал, что ответить на этот вопрос, не понимал смысловой связки между самим вопросом и последующим комментарием.

Она, подумав немного, продолжила:

– Я видела, как ты заходил в подъезд с тем парнем, что сидел справа от тебя. Ты с ним вино или водку там пил? Ведь пил? Я не ошиблась? Вот и подумала сейчас, что тебе плохо. А ещё поняла, что это ты с гитарой зашёл домой поздно ночью. Гитарой о стенку стукнул. Вот и догадалась.

После этого стало понятно, к чему она устроила этот допрос. Хотелось резко ответить, что это моё дело: пить или не пить.

Я поднял на неё свой взгляд и готов был уже на грубость. А она улыбалась своей очаровательной улыбкой. Как же она милая! Я влюблялся в неё со скоростью света. Надуманное желание выказать себя грубияном тут же испарилось.

– А недавно утром в подъезде ты чуть не сбил меня с ног. Так ведь? Теперь вот тоже по гитаре догадалась.

Вот тебе бабушка и Юрьев день! Шерлок Холмс в юбке!

– А зачем ты пьёшь? Ты же так молод! – продолжала она засыпать меня вопросам, не получив ответов на предыдущие.

Какой у неё приятный голос. Она продолжала смотреть на меня в такой же манере, как и вчера. И какая у неё обворожительная улыбка! Она красавица! Меня несло в душе, я уже не мог подобрать эпитеты, которыми готов был усыпать её. Она самая-самая лучшая на свете.

Я молчал. Не знал, что ответить. Но уже понимал: я влюбился! Как мальчишка! Да я и был мальчишкой.

Ещё вчера она без спроса зашла в мою душу, когда мы долго смотрели друг другу в глаза. Вовсе не хотелось отвечать на заданные вопросы. Хотелось закричать:

– Я люблю Вас!

– Я засыпала тебя вопросами. Можешь не отвечать. Давай-ка лучше знакомиться! Скажи хотя бы, как тебя зовут. А... вспомнила, я же слышала от твоей бабушки и от девочки с балкона, что ты Виталий!

– Да. – совсем односложно ответил я.

– А я Татьяна, – и подумав секунду-другую, добавила, – Васильевна. Соседкой буду. Она продолжала смотреть мне в глаза и улыбалась.

– А полное имя твоё как? – продолжала она. И вся светилась от какой-то нахлынувшей на неё радости.

Пришлось полностью представиться.

– Ну, вот и познакомились. Значит Виталий в «квадрате». Мне ещё не встречалось такое сочетание имени и отчества, – она так озорно это говорила и так мило улыбалась, протягивая мне свою ручку.

Я оторопел. Мне предоставился случай прикоснуться к ней. Я замешкался, но тоже протянул руку. Моя рука больше, её маленькая ручка утонула в моей ладони. Я покраснел. Она быстро освободила свою ладонь и направилась к висевшей на стене гитаре и провела пальчиком по струнам. Гитара отозвалась гаммой открытых струн шестиструнки от МИ большой октавы до МИ первой октавы: Ми – Ля – Ре – Соль – Си – МИ.

– Получилось! – она мило хихикнула, – а можешь меня научить?

Вдруг личико её стало грустным. Будто что-то расстроило её. Она пошла к выходу. Повернувшись в дверях и уже с улыбкой сказала:

– Поболтаем ещё вечером. Только не пей с тем парнем! Виталик, я очень-очень прошу тебя!

И только тут я рассмотрел её во весь рост. Вчера я видел только её красивое личико и глазки. Среднего роста, изящная фигурка. Сегодня сарафанчик на ней был короче вчерашней юбочки, и мне удалось увидеть её привлекательные ножки чуть выше коленок. Хотя в те свои годы я не очень-то обращал на это внимание. Меня эти моменты ещё не интересовали.

Ладненькая вся, красивая. Не налюбуйешься. Сердце опять защемило.

– Танечка, милая! Не уходи, останься! – хотелось закричать ей вслед.

Но вместо этого согласился поболтать вечером. Вот только о чём? И пообещал не пить с Толяном.

С этого момента я потерял спокойствие, сон и аппетит. Голова была занята Таней и только Таней. Вот так, неожиданно, вошла в мою жизнь красавица-соседка. Замужняя женщина: Татьяна Васильевна.

Глава 1.5

Всего за один вечер и одно утро состояние моей души резко изменилось. В мою жизнь вошёл новый человек. Я не звал, а он вошёл. И я не сопротивлялся. Почему? Почему так легко это случилось?

Что это было? Ко мне пришла любовь? Но что такое любовь? Такого чувства по отношению к девушкам у меня никогда не было. А теперь появилось желание быть рядом с Таней. Хотелось слышать её приятный голосок, видеть, как она говорит и улыбается. А её глаза, проникающие в глубину души, заставляли учащённо биться моё сердце. Возникло желание обнять её, крепко прижать к себе.

Вчерашний и сегодняшний словесный контакт вселил в мою душу только беспокойство и какую-то невероятную тоску. Это, наверно, и есть симптомы той болезни души, которую и называют влюблённостью.

Любая болезнь сопровождается какой-то болью. На душе появилась ранка, как заусеница на пальце или порез. Стоит прикоснуться и становится больно и выступает капелька крови.

По весне плачут берёзы. Где мороз зимой поранил, а где и человек топором. Так и у меня в душе. Стоило подумать о Тане, и мне становилось больно. Хотелось плакать. Невольно из глаз вытекали слёзы. Мне не раз били морду, порой в несправедливой и неравной драке. Обида меня перехлёстывала от этой несправедливости. Но слёз из меня ни один соперник никогда не выжал. Во всяком случае, я не помнил на тот момент, когда последний раз это было. А тут! Никогда не думал, что состояние влюблённости может быть так тягостно. Подсознательно я понимал, что это юношеская впечатлительность. Но осознание этого только ещё больше нарушало моё душевное равновесие.

Таня... Татьяна Васильевна... Девушка-лапушка. В ней всё было прекрасно. Всё в ней гармония. Но почему так больно?

Николай Некрасов на ум пришёл. Не любил я его тогда. Про женщин его стихи вызывали только недоумение:

*Пройдёт – словно солнцем осветит!
Посмотрит – рублём подарит!*

Причём тут деньги? Не нравится мне это. Не нравится в контексте всего стихотворения. Ну, скажите мне, зачем это надо? Как инструктор по гражданской обороне!

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!*

У меня ассоциация с мужланкой. Вот хоть ты тресни! Помню, вкатили мне «кол» по литературе за сочинение на тему некрасовских стихотворений. Был бы Некрасов нашим современником, ещё бы не того наворочал:

«...С гранатой ляжет под танк...» – это цитата из моего школьного сочинения. Эта фраза и сподвигла преподавателя «воткнуть» мне этот «кол». Переписывать сочинение из принципа не стал.

Толи дело у Пушкина:

Всё в ней гармония, всё диво,

*Всё выше мира и страстей;
Но, встретясь с ней, смущённый, ты
Вдруг остановишься невольно
Благоговевя богомольно
Перед святъней красоты.*

Напыщенно немного, но мне больше по душе.

Образ Тани в моём сознании формировался в процессе прочтения «Евгения Онегина». Внешне не похожа Таня на героиню пушкинского романа. Но как воспето Пушкиным имя Татьяна!

Во время изучения не понимал: зачем нам, «восьмиклашкам», по существу ещё детям, впихивают в наши «бестолковки» роман о любви, да ещё в стихах. Какая нам ещё любовь? Но к окончанию восьмого класса что-то изменилось в моём сознании, и я по-другому стал смотреть на этот роман.

Я не знал сколько Тане лет. На вид, казалось, не старше лет двадцати трёх. А на личико – совсем ещё молоденькая девушка. Не худенькая и не пухленькая. Вся ладненькая, хорошенькая, милая. Да и не умел я оценивать возраст женщин. Зачем мне это надо?

Что я знаю про неё? От моей бабушки знаю, что есть сынишка, в школу пойдёт этой осенью. Учитывая «брачное» законодательство СССР, можно было посчитать, что её минимальный возраст должен быть двадцать пять – двадцать шесть лет. Значит она старше меня, как минимум, на десять лет.

Я расстроился. А зачем мне всё это? Ведь всё равно ничего не изменить. Ну, помучаюсь, пострадаю, что совсем не доступна мне Таня. И решил для себя, что не надо мне на неё заглядываться. Решил, а себя стало до слёз жалко.

Мои размышления прервала бабушка. Что-то задержалась сегодня она со «службы». На выслушивание бабусиных размышлений о смысле жизни я не был настроен. Я наспех перекусил, быстро собрался и уехал в поле окучивать картошку.

Работал не торопясь. Жара начала давить с утра, потому часто уходил в тень и лежал под берёзкой. Пришлось съездить два раза на ключик, где вода была такой ледяной, что зубы ломило.

Судя по диаметру ствола, берёза была старая. Я лежал и рассматривал шрамы на коре. Одни из них сделали мои руки, а другие когда-то сделал мой дед. Это зарубки от сбора берёзового сока весной во время сокодвижения.

Как-то дед ранней весной взял меня на «охоту». Это он так назвал. Потом я понял, что дед прививал во мне мужское начало. Ибо рос я без отца. И больше никто, кроме него, не мог этого сделать. Мне тогда было уже почти семь лет. И дед решил, что пора научить меня стрелять и приобщить к оружию. Наверно, рановато, ведь «двустволка» двенадцатого калибра была почти с меня ростом. Это ладно, ведь я был не по годам рослый. Дед, видимо, предчувствовал быструю кончину, потому и торопил события.

Дорога к болоту, где можно было безопасно стрелять, лежала мимо того полевого участка, где и росла эта берёза.

Выйдя из жилой зоны, дед нацепил на меня патронташи, полные патронов. Их три было. Один был тяжёлый и в два раза мог обвитья вокруг моей талии. Потому дед повесил патронташ на меня так, как я видел на картинках с изображением революционных матросов, опоясанных пулемётными лентами. На моём плече тоже висело ружьё – игрушечное. Я гордо вышагивал рядом с дедом. Оба с ружьями!

Природа уже оживала от зимней спячки. На первом пути к болоту дед сделал зарубку на берёзе и ловко приделал к ней металлическую кружку. Сказал, что на обратном пути у нас будет сладкая прохладная водичка. Конечно, сок берёзовый я пил и не раз. Дед весной, возвращаясь с охоты, всегда приносил целый бидончик. А ещё уток и куличков. Но вкуса этой дичи я уже не помню.

Стреляли много. От стрельбы сильно заболело правое плечо и звенело в правом ухе. Во время выстрелов дед держал меня сзади, чтобы я не свалился на спину от отдачи. Да ещё он срезал из ивы ветку с рогатиной. Воткнул её в землю и на рогатину опирали ствол ружья. Мушкетёр, не иначе.

На обратном пути мы пили сок. Дед покурил, сидя на пеньке. Сказал, что у этой берёзы самый вкусный сок из всех, которые растут рядом.

Дед умер через два месяца, так и не проводив меня в первый класс. А я теперь лежал и искал ту зарубку, которую он тогда сделал. Но так и не нашёл. Шрам зарос и был незаметен. Вот бы на человеке так! А шрам в душе, он невидим посторонним, но человек с ним может жить всю жизнь, а душевная рана будет ныть до тех пор, пока человек способен ощущать боль.

Нам свойственно рубить с плеча. Оставляем рваные раны налево и направо. Но мало тех, кто потом может заживить их, чтобы не кровоточили шрамы, не терзала боль тело и душу.

Дед чем-то залечил зарубку на берёзе, но я не запомнил. Честно говоря, мне тогда это было не интересно. В тот момент меня интересовало настоящее ружьё. Из стреляных металлических гильз и из ствола пахло тухлым яйцом. Дед сказал, что так пахнет сгоревший дымный порох. А от бездымного – запах слащавый. И сказал, что после охоты мы ещё будем чистить и смазывать ружьё.

Спустя восемь лет я лежал под этой берёзой, которая когда-то напоила нас живительной влагой. Нарисовалась в сознании картинка: представил, что Таня рядом со мной. Я предлагаю Тани берёзовый сок, но она отказывается. Говорит, что она не может пить слёзы. Похоже, я чуток вздремнул. Во сне, видимо, прослезился. Открыл глаза, а они влажные.

Тут меня и понесло. Представил себя вот такой берёзой, на которой сделали зарубку, а с меня ручьём текут эти слёзы – это была такая аллегория. Короче, бред!

Жара начала спадать. Загимзели около уха комары, набиваясь в кровные братья. Один таки «породнился»: успел тяпнуть меня в лоб. И был казнён мощным шлепком. Так шлёпнул себя по лбу, что в голове загудело.

Я выматерил эту назойливую тучу «гоминдановцев». Чего греха таить: приобщался к великому русскому. Встал. Направился в поле. Стало смешно над собой. Ишь ты, берёзка! Дерево – среднего рода, оно! Скорее всего: Дуб! Засмеялся вслух и пошёл доделывать работу. Оставалось совсем немного.

Который час был: я не знал. Наручных часов я в свои пятнадцать лет не имел. Родители считали, что в таком возрасте это роскошь, и их, часы, надо заслужить. Только чем было заслуживать? Учился хорошо. Дома всё умел делать: и поесть приготовить, посуду и полы помыть. Предков не напрягал, в школу учителя не вызывали. Дрался только часто. Но родители, будто не замечали этого. Одним словом, был совсем «никудашный», даже на часы не заслужил. А у бабушки отрывался. Баловала она меня. Хотя я всегда ей помогал.

Солнце уже далеко завернуло в сторону заката, чуть спала жара, а озверевшие комары, за «казнь на лобном месте» их собрата, набросились на меня с удвоенной силой.

Минут через сорок я летел на велосипеде в сторону дома. Хотел страшно есть и пить. Спина горела: подпалился немного на солнцепёке. А ещё через пятнадцать минут я загнал велосипед в сарай и направился домой. Очень хотелось забраться под прохладный душ.

Ткнулся в дверь: закрыто. Постучал. Звонки на дверях редко у кого были в те годы. Секунд через десять дверь открывает Таня.

– Ой! У тебя кровь на лбу!

Я и опомниться не успел, как она лизнула свой пальчик и стёрла кровь со лба.

– Это комар меня в лесу, – ответил я и очень смутился.

Таня в этот момент почти касалась меня своим телом, приблизилась, была совсем рядом. Я выше её, а потому вижу ложбинку на её груди. В голове мелькнула дерзкая мысль прижать её к себе, но я был пыльный, с грязными руками, а она благоухала как белая роза. В белом платье – просто невеста. Какая она красивая и нежная. В голове закрутились Битлы:

*До сих пор она мне часто снится в белом платье,
Снится мне, что снова я влюблён.
Раскрывает мне она, любя, свои объятия...*

Почему же эта простенькая песня, исполненная Битлами, мне два дня не даёт покоя?

Как-то так получилось, что моя правая рука оказалась в её маленькой ручке. Я попытался освободиться. А она, весёлая, заявила, что они все ждут меня.

– Кто же это – все? – мелькнуло в голове.

Из её комнаты донеслась знакомая музыка – это Битлы запели «Девушку». Что за наваждение? Далась она им. Будто других песен не было.

Дверь, скрипнув слегка, открылась. Из комнаты вышел мужчина, а когда он миновал порог, я увидел сидящую у них бабушку и накрытый стол.

Я заметил, что Таня несколько энергично отстранилась от меня, как бы отступая назад, чтобы впустить меня в коридор, но, оказывается, уже я держал её нежную ручку. Даже не понял, как же так получилось. Ведь сам хотел освободить свою руку.

– А... музыкант! Мы только о тебе говорили, – сказал мужчина и протянул мне руку.

Я подал свою немытую.

– Александр Иванович, – отрапортовался он, – но предпочитаю, чтобы называли просто Саша.

Разумеется, я тоже представился. А в голове опять мелькнуло: «Что могут про меня говорить люди, которые меня не знают? Ух, эта бабуся. Ну и трепло»

– Виталь, давай-ка проходи за стол, – дружелюбно предложил Саша

Я вынужден был отложить столь скорое предложение, сославшись, что должен посетить душ и переодеться. Саша согласился, но поторопил:

– Хорошо! Через двадцать минут заходи на посадку, посадку разрешаю. Будем новоселье отмечать.

Таня! Тепло её нежной ладошки ещё жгло мне руку, хотя мои ладони, натруженные тяпкой, горели огнём, ныла сорванная мозоль на большом пальце правой руки. Я имел счастье второй раз прикоснуться к этой красивой девушке.

У меня мелькнуло в голове, что Саша совсем не подходит Тане. Он старый какой-то. Больше на очень старшего брата похож, чем на мужа.

Я ушёл мыться.

Глава 1.6

Я переодевался. Моё нервное напряжение нарастало с каждым ударом сердца. Я понял, что боюсь оказаться рядом с Таней в присутствии других людей, боюсь, что не удержусь и буду смотреть в её тёмно-карие, пронзительные глаза. И все увидят и поймут, что я влюбился в неё.

От нервного напряжения из носа пошла кровь. Испачкал новую рубашку. Застучало в висках. Я схватил полотенце из шифоньера и кинулся в ванную мочить его холодной водой. Вернулся в комнату и лёг на диван, запрокинув голову, наложил его на переносицу и лоб.

Я не испугался, нет! Я знал, как остановить кровотечение – это опыт частых драк и потасовок. Зимой в этом плане поудобнее: снег под рукой, им и умыться можно, и холод к носу приложить, и полежать не на земле, а на снегу.

Я не понимал, как могло открыться кровотечение от волнения. Такого со мной ещё не бывало. Кровь, как назло, не останавливалась и заливала глотку. Её противный сладковатый привкус вызывал рвотные рефлексы. Почему-то стало знобить.

Меня, наверно, потеряли. Стук в дверь. Сашин голос поторопил меня к столу. Он, похоже, на кухню зачем-то ходил. Я крикнул, что уже иду.

Пришлось вставать. Но не успел я дойти до зеркала, чтобы осмотреть лицо, как в носу защекотало, и кровотечение возобновилось. Зажав нос, опять кинулся в ванную мочить полотенце. Запрокинув голову, лёг на диван. Озноб усилился.

Опять стучат в дверь. Кто-то входит, не дожидаясь ответа. Кто именно, я не видел: полотенце закрывало мне глаза.

И почти тут же испуганный голос Тани.

– Виталик, миленький мой, что с тобой? Что случилось? Мальчик мой, почему полотенце в крови?

Таня сняла с лица окровавленное полотенце. Я увидел её испуганное личико. Она рукой провела у меня по верхней губе, стирая из-под носа кровь.

– Саша! Срочно скорую вызывай.

Пулей влетает в комнату Саша. Глянув на меня, сообразил, что у меня кровь носом идёт. Потрогал мне голову. Спросил, не лихорадит ли меня. Я мотнул утвердительно головой.

– Перегрелся наш Виталька. Додумался в поле на солнцепёке работать, – быстро поставил диагноз Саша и убежал вызывать скорую.

Так вот в чём дело: солнечный удар.

Охая, ввалилась и бабушка. Раскудаhtалась. Ну, кто, как не она, доложила соседям, что я в поле на картошку уехал. Болтушка! Ей уж на дежурство надо было уходить. Таня ей говорит, чтобы та шла и не переживала, они с Сашей сделают всё, что надо. И скорая сейчас приедет. Бабушка решилась-таки, ушла на «службу». Я остался один на один с Таней.

– Виталик, давай снимем рубаху, да и брюки бы тоже снял, – сказала Таня и, не дожидаясь моего согласия начала расстёгивать пуговицы на рубашке. Тебе, малыш, охладиться надо.

Вот те на! Снимать штаны при девушке вовсе не хотелось. Но голос Тани возымел на меня магическое действие, и я невольно подчинился. Таня помогла снять одежду, а я чувствовал, что её била мелкая дрожь. На глазках появились слёзки. Я смотрел на Танино милое личико, и мне так захотелось обнять её.

Лежал перед Таней в трусах. Стеснялся. Она закрыла меня по пояс простынёю, которая лежала на тумбочке рядом с диваном. Меня затошнило. Еле сдержался. Хотя желудок мой был уже давно пустой.

Таня взяла окровавленное полотенце и вышла. Через некоторое время в комнате появились две Тани. В руках у каждой тазик. У меня двоило в глазах. Опять приступ тошноты. Двоющаяся Таня подставляет тазик. Усилиями воли подавил рвотный рефлекс и попытался встать.

– Лежи, лежи мой малыш, – сказали две Тани одновременно, – какой ты горячий, как печка. И дрожишь весь. Давай положим мокрое полотенешко на лобик и на грудь. А это холодное полотенце зажми между ног.

Между ног полотенце!?! Это здорово меня встряхнуло! При девушке совать мокрую тряпку в трусы я категорически отказался. Ладно бы Саша это предложил. И не в присутствии Тани. Она вошла в моё положение и не стала настаивать. Только впервые за последние минуты Таня слегка улыбнулась.

– Виталь, я отвернусь. Смешной ты мальчишка. Песни про любовь поёшь, а сам робкий и стеснительный, – с грустной улыбкой сказала Таня и погладила меня по щеке.

Вот именно: мальчишка, который с первого взгляда влюбился в красавицу-соседку.

Знала бы Таня, что ещё на новый 1972 год моя тётка Рита брала мне и моему двоюродному брату билеты на новогоднюю ёлку. Праздник проводили у них на предприятии. Конечно, хороводы вокруг ёлки я не водил и за подарком в очередь не стоял. Я сопровождал своего братика. На новый 1972 год мне было уже полных четырнадцать лет. Умом я вырос из этих мероприятий. Но подарок мне ещё полагался, и он достался братику. Так кто же я ещё? Конечно, ребёнок, мальчишка. В мае пятнадцать лет исполнилось.

Таня обтирала мне лицо, смывая кровь. От холодной воды руки Тани стали ледяные. Её нежные ручки всё также продолжали дрожать. И личико оставалось взволнованным.

Встряска с мокрым полотенцем в трусах и холод на груди вернули зрение на место.

Таня ушла из комнаты и вернулась с бутылкой холодной минералки. На ней сразу образовалась испарина. Опять ушла и вернулась со стаканом и открывашкой для бутылки.

– Виталик, выпей-ка холодненького «Боржоми».

Я скривил кислую «мину».

– Я не люблю «Боржоми».

– Пей! Ну, и капризный же ты, – уже строго сказала Таня.

Она с тревогой в глазах смотрела на меня. Я приподнялся, взял стакан, в котором весело всплывали пузырьки и лопались, поднявшись на поверхность.

– Допивай быстро всю воду, – приказным тоном сказала Таня.

Какая она красивая и добрая, хотя ругается. Ласковая и нежная... Всё плыло в глазах... Я не мог не подчиниться.

Она опять стала обтирать мне лицо холодной водой, и пронзительно смотрела в мои глаза. Таня склонилась надо мной, и я опять невольно увидел ложбинку на её груди. Она часто вздымалась и опускалась. Я смутился и закрыл глаза. Меня в том возрасте совсем не волновала эта часть тела. Но сейчас мне опять так захотелось обнять и крепко прижать Таню к себе. Зачем?

– Виталька, малыш мой синеглазенький, как же тебя так угораздило? Я же..., – она оборвала речь на полуслове, так как появился Саша.

Доложил, что скорая сейчас приедет.

– Виталь, герой картофельный. Ты как? – улыбаясь, спросил Саша, растормошил мне шевелюру на голове.

– Хорошо!

Я не врал. Мне было хорошо, потому что рядом со мной была прекрасная девушка. Её ручки нежно прикасались к моему лицу. Я уже и не мог припомнить, чтобы со мной так ласково обращались. Давным-давно это было...

Мелькнула в голове цепочка путаных мыслей: «Зачем я им нужен? Я бы и сам справился... Привязались ко мне со своим застольем... Какие они добрые люди».

Таня тем временем сняла с меня полотенца и вышла из комнаты, и через полминуты уже опять накладывала их на меня.

Скорая задерживалась. Служба эта при советской власти работала совсем по-другому. И люди там точно следовали клятве Гиппократа. Это сейчас не дозваться.

Заглянул Саша, что-то говорил. Я уяснил только одно, что скоро ему надо ехать в аэропорт. Таня на виду у Саши, погладив меня по щеке, пообещала мне, что через две минуты вернётся. Она вышла в коридор. О чём-то говорила с Сашей. Он, вроде, ворчал, толи наставнически что-то ей советовал.

Ещё вчера эта красивая девушка неожиданно появилась в моём сознании. А теперь Таня рядом со мной. Она прикасается ко мне, говорит со мной. Я уже люблю её.

Я провалился куда-то. Как в гипнозе.

– Вот наш больной! – услышал я, ставший родным и близким, Танин голос.

– Кем вы больному приходитесь? – спросил доктор.

Доктор – мужчина, явно старше Саши. С добродушным лицом, как мне показалось тогда.

– Сестричка, – не задумываясь ответила Таня.

Таня врачу рассказала, что я перегрелся на солнце и у меня пошла кровь из носа. Рассказала, что было предпринято.

Меня осмотрели, измерили температуру: всего тридцать семь, с чем-то – я не расслышал. Сашин диагноз подтвердился.

Я слышал, что доктор похвалил Таню, и всё правильно сделали, и кризисная ситуация прошла. Он ещё о чём-то говорил, но я не соображал. Боялся только, что заставят приспустить трусы, и воткнут шприц в пятую точку. Вовсе не хотелось светиться этим местом перед такой красивой девушкой. Но обошлось. Что-то дали выпить.

Я опять стал проваливаться в сон. Голова ещё болела, но дрожать, как банный лист, я перестал. А ещё захотелось избавиться от мокрых тряпок на груди и на лбу.

– Шустрая у тебя, парень, сестричка, наверно медик, да? – улыбаясь, сказал мне на прощание доктор, – и очень красивая, просто загляденье. А ты, голубчик, повернись-ка лучше на бочок: пусть спина охлаждается, обгорел ты сильно.

– Нет, не медик, но знаю приёмы оказания первой помощи в различных ситуациях, – озорно ответила Таня и посмотрела на меня.

Надо было и мне что-то ответить доктору.

– Спасибо доктор. Мне повезло с сестричкой.

Откуда только смелость взялась? Что на меня накатило?

– Добрая, красивая... очень красивая... просто лапушка, – еле выдавил из себя.

Стало неудобно, что сказал такие слова о девушке, которую видел второй день, и такие фамильярности были явно неуместны, да ещё в присутствии её мужа. Стеснительным я был с женским полом. Я украдкой глянул на Таню. Взгляды наши встретились. Она улыбалась. Её не смутил мой ответ! Но что-то особенное было в её взгляде. А я, и так на горящем лице, ощутил ещё более сильный жар на ушах.

Доктор ушёл. Ушёл и Саша. Видимо, на отдых. Ему ночью в полёт.

Потом, если можно так сказать, прибежала бабушка. Саша, видимо, ещё не лёг отдыхать и мыл на кухне посуду. Он разговаривал с бабушкой и успокаивал её. А Таня так и продолжала сидеть около меня. Уже сняла с меня мокрые полотенца. Смерила температуру.

– Тридцать шесть и девять, – огласила Таня показания градусника: так в те годы в народе называли термометр, – ну вот, Виталь, уже сбили температуру. Голова как?

– Немного болит, – наврал я.

А в голове гудело, как в медном тазу.

– Отдыхай, малыш, поправляйся, – нежно сказала Таня.

– Ладно. Спасибо, Татьяна Васильевна.

Таня опять улыбнулась. О чём она думала? Взяла меня за руку. Я вздрогнул. Вскоре её пальчики согрелись от моей разгорячённой руки. А сердце моё было готово выскочить из груди. Наверно, Таня заметила это.

Мы молчали. Я периодически открывал глаза и встречался взглядом с Таней. Смущаясь, снова закрывал глаза и пытался повернуть голову в сторону. Но спустя пару минут всё повторилось. Немного кружилась голова. Похоже, кружилась от счастья, что рядом была Таня. Нежная и ласковая.

Но всё же незаметно для себя провалился в сон. Что-то снилось. Как правило, снов я не помню. Но есть два сна, которые повторяются на протяжении моей жизни.

Первый – ещё с раннего детства. Снится мне злая кошка, которая сидит возле кровати и не даёт мне слезть с неё. У кошки бешеные глаза, длинные-предлинные когти и острые зубы, которые она оскаливает, когда я пытаюсь слезть с кровати. А мне надо справить малую нужду. Наверно, у каждого по этому случаю есть свой такой будильничек. У меня выработался рефлекс на этот сон – я сразу просыпаюсь.

Второй сон, который к настоящему моменту я видел уже два раза за свою жизнь, а впервые увидел именно в те времена, в декабре 1973 года. Но об этом чуть позже, когда доберёмся по ходу повествования к этому событию.

Ночью проснулся. В темноте понял, что Тани рядом нет, но показалось, будто кто-то вышел из комнаты.

На улице было совсем темно. В это время в наших широтах в дни летнего солнцестояния полная тьма наступает не более чем на два часа. А потом, в начале третьего, на северо-северо-востоке начинает светлеть небо, занимается новое утро, чтобы породить новый день, новый вечер и новую ночь.

Хотелось в туалет. Пошёл, а дверь в комнату открыта. В щёлку из-за неплотно закрытой двери наших соседей пробивалась тусклая полоска света. Она пересекала коридор, будто обозначая путь к входной двери в нашу квартиру. Было тихо.

Приняв вертикальное положение, снова заболела голова. Меня ещё покачивало. Справил малую нужду.

Вернулся на диван. Не спалось. В ночной тишине расслышал слабый звон будильника. Понял, что прозвенел он у соседей. Вскоре кто-то вышел из нашей квартиры. Конечно, это был Саша. Он же должен был опять в полёт. Снова наступила тишина.

Нарисовался перед глазами образ красавицы Тани. Лапушка—сестричка. Милая девушка.... И осёкся. Женщина! От неё только что вышел из квартиры муж. И мне стало не по себе! Похоже, это была первая вспышка ревности в моей жизни. Ну, если не вспышка, то искра.

– Да! Муж! Объялся груш! – всплыла в мозгах расхожая поговорка.

За два дня общения с Таней из-за её словечек: миленький мой, малыш, мальчик мой... – в голове ералаш. Почему она говорит: «Мой»? Как это надо понимать? Назвалась сестричкой. А зачем?! Уж хотя бы сестрой. Я понимал, что я в этой квартире не прописан, а доктору меня надо было как-то представить. Всё же я ещё мальчишка, а не взрослый. Как-то так я думал тогда.

Но почему Таня назвалась сестричкой? Этим самым она даёт понять, что дальше этих отношений Брат-Сестра ничего невозможно? Значит, она уже понимает, что я влюблён в неё? Как она догадалась? Или у меня на лице написано, и догадываться не надо?

Видимо сильно меня солнышко ударило. Сестричка – слово от медсестры. Как я сразу не догадался! Доктор же спросил у Тани: не медик ли она.

А зачем Таня так смотрит мне в глаза, как будто хочет что-то увидеть внутри меня? Рассмотрела, что глаза у меня синие.

Зачем и как так незаметно взяла мою руку, так близко подошла ко мне и заглядывала в мои глаза. Кровь со лба стёрла, когда я вечером вернулся с поля. Но при этом умело отпрянула от меня при появлении Саши.

А в первый вечер, когда я на гитаре играл во дворе, почему так менялось её личико? Песни известные. Все, кому не лень, поют.

Зачем? Зачем? Мозг разрывался от этого односложного вопроса! Да я же влюбился в неё! Мальчишка! Дурачок! Я же с Олей хотел снова дружбу возобновить. А теперь всю голову заняла Таня. Какая она красивая и добрая! А ещё смелая: крови не испугалась. Прокручивая всё это в голове, опять незаметно уснул.

Глава 1.7

Раннее утро.

Проснулся, почувствовав что кто-то гладит пальцы левой руки. Я открыл глаза. В комнате от утренних сумерек было уже достаточно светло. Таня сидела рядом со мной и нежно тербила мои пальцы, перебирая и разминая каждый суставчик. Глазки припухшие. Похоже, что она недавно плакала. А может от усталости. Наверно, не спала всю ночь.

Увидев, что я открыл глаза, Таня потрогала мой лоб, тихо спросила:

– Как твоё самочувствие, малыш? Лежи, лежи. Не поднимайся.

И опять Таня смотрела так, будто хотела прочесть мои мысли.

– Зачем она меня малышом называет? – невольно возник вопрос, хотя если честно, то теперь мне было это очень приятно слышать.

– Виталик, почему у тебя такие твёрдые подушечки на пальчиках? От струн гитары? – снова заговорила Таня.

– Да.

– Виталик, всё же, как ты себя чувствуешь? Ты пить хочешь? Я принесу.

Я ответил, что хорошо, а на самом деле постеснялся сказать, что болит голова. Не хотелось хныкать перед девушкой. Вот тебе и сильный пол! Сопляк, а такой устроил переполох.

Таня принесла стакан воды.

– Как же ты напугал меня, Виталик! Я так боялась..., – но она не договорила, чего же она боялась.

Опять пристально смотрела мне в глаза.

– Не пугай меня больше так! – она грустно улыбнулась, – пусть будет три-два в твою пользу.

Теперь я улыбнулся. Я понял, что за счёт упомянула Таня. Пообещал, что не буду.

– Виталик, а что за девочка живёт в нашем подъезде на втором этаже? Вы дружите с ней? Меня будто током дёрнуло. Оля! Что же делать?

– Её Олей зовут. Мы все во дворе дружим. У нас хороший двор.

Таня улыбнулась. Как была прекрасна её улыбка. Она раскусила мой ход. Взгляд её стал совсем спокойный. Она продолжала нежно смотреть мне в глаза. Что она в них хотела увидеть? Мне казалось, что в моих глазах можно было прочесть только одно: «Таня, милая девочка, я люблю тебя».

Вдруг глазки её опять стали влажными, и казалось вот-вот по нежной щёчке побегут слёзки. Что творилось тогда в душе этой девушки? Почему она так переживает за меня? Я, точно, не достоин такого внимания. Я смутился и закрыл глаза.

Она опять взяла мою левую руку, с мозолистыми подушечками на пальцах, и зажала в свой маленький кулачок.

– Я так была тронута, ты красиво играл эту грустную мелодию, и слова в песне грустные.

Я открыл глаза и осмелился смотреть на неё. Какая же она красивая, нежная в этом утреннем полумраке. И голос, как в сказке. Только голова моя раскалывается на части. И тело ватное. Спина горит, как будто ошпаренная. Наяву ли всё это?

Таня склонилась к моему лицу и чмокнула меня в щёку.

– Это за ту песню. Я никогда не слышала её в переводе. Я немецкий учила. Даже не знала, о чём в ней поётся. А ведь так бывает в жизни.

Этот поцелуй парализовал меня, и опять сердце было готово выскочить из груди. Конечно, Таня тоже не могла не заметить этого.

Я собрался с мыслями и решил пояснить:

– Перевод очень близкий к тексту. С дядей Лёней, нашим старым соседом, переводили вместе. Специально проверяли. Только дядя Лёня сразу понимал, о чём эта песня. Когда я на каникулы приезжал, он меня на гитаре учил играть и помогал Битлов переводить, – с волнением в голосе я впервые в общении с Таней проговорил столь длинную фразу.

– Виталь, ты такой интересный мальчик. Я слышала, как ты своим друзьям про Вещего Олега рассказывал. Что Высоцкий у Пушкина взял тему для этой смешной песенки, – Таня смотрела на меня восторженными глазками, – благодаря тебе впервые услышала полный текст и поняла о чём речь. На магнитофонах вообще ничего не разберёшь.

А мне вдруг стало стыдно, ведь я ещё и нецензурно выражался, пел блатные песенки с матерками. Значит она и матюки мои могла слышать. Я от этих мыслей, наверно, опять покраснел.

В общем-то, в поцелуе Танином ничего особенного не было. Я видел, как тётка моя целовала пятилетнего двоюродного братишку, когда он болел. Материнский поцелуй в щёку. Хотя я не помнил, чтобы меня больного целовали. Да и болел я крайне редко.

– Отпустишь меня спать? – грустно сказала Таня, – мне на работу утром, а тебе покой нужен.

И тут я обнаружил, что уже моя рука держит её маленькую нежную ручку. Странно: третий раз Танина рука оказывается в моей, хотя она первой берёт меня за руку. А я не замечаю, когда её ладошка оказывается в моей.

Как мне не хотелось соглашаться. Но Таня всю ночь не спала. Со мной возилась. Мужа провожала. Муж! Слово кинжалом вонзилось в сердце! Вот и вторая вспышка ревности, ну если не вспышка, то мощная искра. Как известно нашему поколению: из Искры возгорается пламя.

Рука моя медленно разжалась.

– Вам надо отдыхать.

Разгоралось новое утро! Окно полностью осветилось восходящим солнцем. Шторы не давали яркому свету залить комнату.

Я освободил Танину руку. Но мне казалось, что ей вовсе не хотелось уходить. С иронией про себя отметил, что это только моё желание. Хорошо вчера солнышко меня по голове приголубило, вот и бред всякий в голове с утра.

– Я люблю, когда в дом заходит солнышко! Сейчас в нашу квартиру оно с утра не заглядывает. А вот моя детская комната была окнами на восток, и солнце по утрам заходило ко мне в гости. Разбудит, и так хочется радоваться жизни! Виталик, давай раздёрнем шторы? – романтически лился Танюшкин голос.

Я согласился. Она встала и пошла к окну. Раздёрнула шторы. Немного отошла в глубину комнаты и стала смотреть в окно. Её фигурка осветилась солнечным светом. Через лёгкую ткань платья, как на рентгене, нарисовались её стройные ножки. Впервые меня охватил непонятный трепет. Как же она обворожительна! Татьяна! Милая Татьяна!

Она пошла к двери. Мне невыносимо захотелось закричать, что я люблю её, чтобы она не уходила и всегда была рядом. Но моя нерешительность не позволяла этого сделать. И всё же я решился:

– Татьяна Васильевна, – и тут я опять сказал не то, на что уже был готов, – спасибо Вам и Александру Ивановичу. Извините! Я вам праздник испортил.

– Хм, Татьяна Васильевна! – ласково, с лёгкой иронией повторила она и хихикнула. Повернулась ко мне ещё раз и пожелала поскорее встать на ноги.

– Выздоровлявай. А я Таня, просто Таня, тебе можно. Я же сестричка.

Мне невероятно хотелось обнять её, крепко-крепко прижать к себе. Но, конечно, я не решился. Я и корил себя за это.

Таня ушла.

Мужчина? Салага, пацан пятнадцатилетний! Вопрос тут же решился. Она просто взяла на себя ответственность присмотреть за мной: обещала ведь моей бабушке. Вот и исполняет. Значит она хорошая и добрая! И красавица. Мне бы такую девушку.

С такими мыслями я лежал с закрытыми глазами в ярко залитой Солнцем комнате. Этот Солнечный Свет запустила Таня. Нежная, ласковая и красивая девушка.

Ещё вчера мне Солнце нанесло удар по голове, разбило нос до крови и ошпарило спину, а теперь своим Светом радовало и призывало к жизни.

Я влюбился в красивую девушку! Так почему надо стесняться сказать об этом любимому человеку! Но почему же это чувство с болью отдаётся в груди? Неужели любовь и боль неразделимы? Больно, наверно, пока не скажешь о своей любви. И теперь я ругал себя за свою нерешительность. Мне не хватило смелости. Пусть бы знала, что люблю её. Кому неприятно знать, что тебя любят? И что зазорного и постыдного для человека, который любит? Такую девушку просто невозможно не любить. Пацан я, а не мужчина. Девушке сказать побоялся.

Так я настраивал себя и решил, что при первом же удобном случае скажу ей об этом. Когда же только он будет, этот случай?

Дверь в комнату приоткрылась. В комнату с мурлыканьем ввалил кот. И прямиком ко мне. Стал тыкаться мне в лицо своей усатой мордой. Завершив процедуру приветствия, он улёгся рядом со мной. Вообще-то, бабушка не пускала его на кровать и мне не разрешала баловать его. Бока его были подозрительно раздутые. «Сытый», – подумал я. Он завёл свою «машинку», мы на пару провалились в сон.

Я не слышал, как Таня ушла на работу.

Глава 1.8

– Виталька, ты вчера всё окучил? Как на жаре-то работал? И воды мало взял и без еды. Это бабуля пришла. В комнату не заходила, а только открыла дверь и разговаривала с кухни, нудно шелестя какой-то бумагой.

– Язви его в душу мать, – смачно выругалась она, – ну не сволочь ли!

Я сразу понял, кого так окрестили. Видимо, кот опять что-то спёр. Рядом со мной его уже не было.

Бабуся появилась в дверном проёме. Несмотря на дикую словесную тираду, лицо её было добродушным. С проделками кота она уже давно смирилась. У них была какая-то своя дружба. Он любил сопровождать бабушку в сарай или выносить мусор, сопровождал её, когда она шла в магазин напротив нашего дома. Я до сих пор не понимаю, как бабушка выдрессировала его, чтобы он не тащился за ней через проезжую часть, а сидел в сторонке под топодем и ждал её.

– Я ночью заходила домой, фарш выложить, чтобы растаял. Беляшки постряпать утром хотела. Да тебя проведать забегала. Скажи спасибо своему мохнорылому дружку – поел ты беляшиков! Сожрал почти полкило фарша. Не дожрал, гад, остатки опять вон под лежанку свою зарыл. И как столько в него лезет?

Наконец бабушка замолчала.

– Ба, а ты знаешь, что такое мохнорылый? – я еле сдерживал смех, боясь, что снова заболит голова.

– Ты-то как? Чё на солнце полез, дурачок? Танюша-то чё, ночью тебя караулила? Я заходила, а она от тебя вышла. Хорошая девка.

– Мохнорылый – что это значит, ба? Ты не ответила, – повторил я вопрос.

– Ты, как дурачок, всё равно что. Чё не понятно? Морда значит мохнатая, – на полном серьёзе заявила бабуся.

Меня разрывало желание заржать, еле сдерживался.

– Ба, Толян мне сказал, что мохнорылыми в тюрьме называют насильников, – всё же я засмеялся, не сдержался.

– Оно и понятно – дружок-то твой сам тюремщик, – парировала бабуся, вышла на кухню и усиленно загремела посудой.

Смех смехом, но кота больше она так не называла. Я, по крайней мере, больше не слышал.

Так вот отчего у этого прохиндея раздутые бока были. Я засмеялся, но смех отдался болью где-то в глубине головы.

– Ба! Ну, хватит. На всю квартиру ведь гремишь.

– Нет соседей-то дома.

– А Таня где? – и я заткнулся.

Но, похоже, она уже не расслышала меня и продолжала командовать посудой.

– Как же Таня, моя любимая, милая Таня, будет работать, она же не выпалась, – закрутилось в голове.

Глава 1.9

Надо было приходиться в себя от солнечного удара. Я встал, пошёл умываться. Засосало под ложечкой. Сутки почти не ел! А в голове всё равно были какие-то отголоски боли. Казалось, что кожа на голове болезненная. Горела, обожжённая солнцем, спина. И страшная квёлость.

Кот сожрал ещё не родившиеся беляши. Я достал молоко и свежую булочку. Бабуся принесла. Сел завтракать. Молоко холодное. А греть лень. Так и заглотил.

– Тебя Толька хочет видеть. Утром уже на скамейке сидел. Ты уж с ним не пей, а то матери-то скажу, чем ты тут занимаешься, – заговорила бабушка.

Раз Толян с утра на скамейке сидел, значит, с третьей смены пришёл. Я надел футболку и выскочил в подъезд и выглянул на улицу. Толяна уже не было. Ну, теперь после обеда появится. А он мне нужен для дела.

Дурно как-то. Но чем-то надо заняться. Телевизор проверить, наверно, совсем сдох. Но вдруг стало лень этим заниматься. Чтобы экран видеть, нужна темнота. Но завешивать окно тёмным одеялом совсем не хотелось. Отступился от этой идеи.

И тут вдруг вспомнились события ночи. Неловко всё вечером получилось. Захотелось говорить про Таню. Иду пытать бабушку, самого покачивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.